

Н.В. Бряник

КОСМИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАУКИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

Философия всегда была небезразлична к науке. Попытки отгородить их раз и навсегда друг от друга на сегодняшний день надо признать тщетными; больше того, полноправное место в кругу философских областей знания занимает философия науки. При всей спорности и дискуссионности предметного поля философии науки вряд ли можно пренебречь тем, что основной поток философских исследований советского, да и постсоветского, времени вращался вокруг вопросов науки, хотя бы уже потому, что саму философию во многом отождествляли с наукой. А критерии научности и достоверности по-прежнему оцениваются столь высоко, что, с молчаливого согласия, до сих пор воспринимаются как главнейшие достоинства философских построений, какую бы отрасль философского знания мы ни брали — онтологию, историю философии, антропологию, социальную философию или даже эстетику, этику и пр. Одним из объяснений такой притягательности науки для философии является факт реальной значимости науки современного типа и ее влияния на человеческую историю, начиная с нового времени. Два таких разных по взглядам масштабных мыслителя, как В.И. Вернадский и М. Хайдеггер, философские размышления которых совершенно несхожи, тем не менее почти одними и теми же словами констатируют сложившуюся ситуацию влияния науки на жизнь современного человечества — наука в условиях жизни на Земле приобрела роль решающего фактора, первостепенного по своей значимости. Именно поэтому ни философия науки, ни философия в целом сегодня не могут уйти от ответственности дать свою оценку тому, что собой по смыслу представляет наука, вступающая в новое тысячелетие.

Если уже в самой науке выделить то главное и решающее, с чем она вступает в новый век и новое тысячелетие, то таковым, на наш взгляд, является мировоззрение и методология космизма. Следовало бы сказать более конкретно и более точно — наука ближайшего и отдаленного будущего станет воплощением идей русских ученых-космистов — идей, высказанных еще в начале XX столетия. Я имею в виду в первую очередь имена таких мыслителей, как К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский (хотя это далеко не полный список, а только звезды первой величины). Еще недавно и эти имена и само понятие «русский космизм» ассоциировались либо с чем-то давно прошедшим, либо с некой экзотикой в области науки и философии. Думаю, высказанное выше утверждение (связку русского космизма и будущего науки) могут воспринять как дань русофильским умонастроениям либо как честолюбивую претензию на оригинальность суждений по поводу науки. Сразу хотелось бы отместить и одно и другое подозрения. Сугубо иссле-

* Доклад, сделанный на II Российском философском конгрессе.

довательский интерес заставляет прийти к выдвинутому прогнозу. Случилось так, что космическое мировоззрение, созданное, причем не просто созданное, а поистине выстраданное отечественными учеными-космистами в первой трети текущего столетия, оказалось не только не востребованным во всей его полноте и сути, но во многом забытым и не дошедшим до широкой научной и мировой общественности. И это объясняется не тем, что космизм остался только на уровне общих мировоззренческих или сугубо теоретических идей, напротив, уже изначально он был проективен и имел непосредственный практический выход во многие области; сложившаяся ситуация связана с факторами этического и психологического порядка, а также формами организации науки в нашей стране в то время.

Если оценить и сам факт рождения космического мирозерцания, и десятилетия его неприятия, то по принципиальному счету оказывается, что наука, продуцирующая свои гипотезы и теории не в горизонте космического миропонимания, обречена на геоцентризм, который имеет самые многообразные проявления и лики. Несмотря на коперниканский переворот в науке, заложивший первый камень в фундамент космизма, наука по преимуществу продолжает развиваться в парадигме геоцентризма. Попытаемся разобраться, что революционно нового несет в науку космическая картина мира, почему космизм представляет собой феномен русской культуры, и в каком смысле современная наука до сих пор сохраняет геоцентризм?

Во-первых. Космизм как мировоззренческое основание науки заставляет видеть и отыскивать в любом изучаемом объекте не только его ближайшие или даже отдаленные, но все же земные факторы детерминации, но и космические зависимости. Они незримы, но оттого не перестают быть реальными и значимыми; отрыв от этих зависимостей, неприятие их в расчет попросту искажают суть изучаемого. Земля как космическое тело включена в круг космических событий. По сути дела, нет границ и пределов космоса — он повсюду. А каждое из космических состояний столь же неповторимо, как и узоры на пальцах. Отсюда, энергетическое влияние космоса сказывается даже на самых простейших химических реакциях, которые следовало бы датировать, включая не только год, месяц и день, но и секунды, длящиеся мгновения; получается, что наука, базирующаяся на представлениях о повторяемости химических реакций, отбрасывая параметр времени в изложенном выше смысле, работает только с идеализациями, а не с реальностью. Космические связи необходимо предполагать при изучении любых явлений. Для Чижевского, например, и человек и микроб — существа космические, и это сущностная их характеристика, которую необходимо учитывать во всех отраслях знания, касающихся данных объектов, в том числе в медицине, в частности в эпидемиологии, поскольку, он считал, что эпидемии чумы, холеры и даже гриппа связаны через опосредованные зависимости с циклами солнечной активности. Вернадский также недвусмысленно утверждал: «Научно понять — значит установить явление в рамки научной реальности — космоса»¹. Он считал большим упущением то, что в современной ему науке все происходящее в истории человечества, в том числе социальные отношения и зависимости, рассматривалось как нечто самодовлеющее, независимое

от окружающей среды, как свободное от нее. По мнению мыслителя, в таком случае история человечества утрачивает закономерный характер, выпадает из рамок научных исследований. Окружающей средой для истории человечества является история Земли, которая в свою очередь, по оценке Вернадского, должна быть включена в космогенез, ведь лик Земли и все, что она собой представляет, — результат действия космических сил; именно поэтому космогония для него не есть нечто отжившее и оставшееся в прошлом — она, по его представлениям, должна стать важнейшей составляющей современной науки.

Во-вторых. Ученые-космисты (в данном случае это наиболее ярко проявилось в творчестве такого гениального мыслителя, как Циолковский) пытались осмысливать уже устоявшиеся и вновь возникающие открытия науки с точки зрения событий самого космоса. Сошлюсь на воспоминания Чижевского о Циолковском. Оказывается, калужский мыслитель несколько десятилетий размышлял над вторым началом термодинамики, особенно трудно ему было согласиться с доказательством теории «тепловой смерти Вселенной». И он обосновал закон «...обратимости энергии в масштабах не только всего Космоса, но и ограниченных замкнутых космических систем. Антипостулат энтропии...»². Удивительный факт, до сих пор не ставший достоянием историографии науки. Сразу же на ум приходит название работы Нобелевского лауреата А. Пригожина «От хаоса к порядку». Но идея Циолковского об уравниловке и эквивалентности во Вселенной двух таких ее процессов, как «тепловая смерть» и «тепловая жизнь» датируется 1914 годом, а пригожинская теория самоорганизации, возникновения порядка из хаоса, появилась в 70-е годы — разница более чем в полвека. А выдвинут был антиэнтропийный постулат с целью найти научные доказательства вечной юности Вселенной, что шло вразрез с выводами о ее тепловой смерти. Или вот еще одна космическая интерпретация, данная Циолковским знакомой всем формуле Эйнштейна, который «...написал $E=mc^2$ квадрат и тем самым положил начало возможной гибели всего человечества... Это была величайшая угроза Земле, Небу и всему человечеству... Простая арифметика говорила о том, что внутри материи заключены безумные силы. Энергия одного грамма вещества оказалась равной массе (в граммах, умноженной на квадрат скорости света: $E=1 \times 9 \times 10$ в 20-й степени эргов ... крупные землетрясения выражаются 10 в 30-й степени эргов... Земной катаклизм будет равен около 10 в 100-й степени эргов. Следовательно, с помощью полного превращения энного числа тонн в энергию можно достичь земного катаклизма без всякого труда. И, наоборот, этой же энергией можно облагодетельствовать человеческий род... Тогда ведь самую планету Земля можно будет превратить в ракету и направить ... ближе к Солнцу или в другую звездную систему»³. И так во всем: когда становится теоретически очевидной невесомость в ракетах, достигающих первой космической скорости, Циолковский начинает искать с помощью данных современной ему науки способы адаптации человеческого организма к подобным условиям, когда блестящие подтверждения получает идея Чижевского по аэроионификации воздуха, К.Э. Циолковский размышляет над возможностью использования данного открытия в космических летательных аппаратах. Поразительны и грандиозность замыслов

— сама идея об освоении космоса человеком, — и одновременно строгость научных доказательств и расчетов, с точки зрения этих показателей теоретические изыскания ученых-космистов удовлетворяли самым взыскательным требованиям науки. Парадоксально, но при этом им приходилось постоянно преодолевать (в первую очередь, конечно, Циолковскому) систематические обвинения не просто в фантастичности и утопичности подобных замыслов, но их бредовости, отсутствии всякой опоры на науку.

В-третьих. Все же самое главное в воззрениях русских ученых-космистов еще не названо. В центре их внимания был человек — проблемы жизни человечества в условиях Земли явились побудительным мотивом к исследованиям космоса. Адекватным названием их мировоззрения должно быть понятие «антропокосмизм». Чтобы семя человеческое не погибло безвозвратно, а следы его разума не были утрачены навсегда в условиях неизбежной для Земли катастрофы (сроки наступления которой, возможно, могут исчисляться бесконечностью в сравнении с человеческой жизнью, но она может нагряться и внезапно в силу техногенной деятельности людей), лучшие умы человечества озаботились поиском путей выхода. Космос должен стать прибежищем и Родиной человека. Именно в подобном контексте размышлений рождается идея о человеке-космополите, представляющая космос полисом его жизни. Вопрос о том, как технически этого достичь, остается вопросом о средствах достижения, а целевой и смыслообразующей оказывается проблема спасения человечества, а отсюда — необходимость единения человечества в мировом масштабе, поиск путей манифестации себя в качестве разумных перед другими более или менее разумными обитателями космоса. И здесь становится очевидным смыкание научных идей космизма с философскими и религиозными представлениями. Оно происходит не на каком-то отдельном этапе выстраивания научной картины мира учеными-космистами, нет, уже изначально, по сути своей, русский космизм органически переплавляет в себе и науку, и религию, и философию. Он исходит из особой традиции понимания человека, утверждающей, что «Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его»⁴. Эта традиция связана с духом православного христианства — идеей богочеловечества, своеобразно раскрывающей смысл человеческого существования, его свободу, придающей онтологическое значение творчеству человека. В противовес космоцентризму античности и антропоцентризму новоевропейской культуры антропокосмизм отечественных мыслителей сохраняет величие каждой из сторон, а именно: «Человек и Природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек — малый мир, микрокосм... Среда — большой мир, макрокосм... Но ничто не мешает нам сказать и наоборот, называя человека макрокосмом, а Природу — микрокосмом: если и он и она бесконечны, то человек как часть Природы может быть равномошен со своим целым, и то же должно сказать о природе как части человека»⁵.

И наконец, русские ученые-космисты заложили новый тип научного мышления, радикально отличающийся от новоевропейского типа науки. Космизм ломает устоявшуюся дифференциацию наук и сочетает, казалось бы, несочетаемые области знания — медицину и астроно-

мию, геологию и космологию, историю и учение о солнечной активности и многое другое. Космизм в своих принципиальных идеях возникает не из эксперимента, а из эстетического созерцания природы, он является плодом теоретико-созерцательной деятельности, что присуще философскому и художественному образам мышления. Поэтому Циолковский и Чижевский были глубоко убеждены в возрождении натурфилософского стиля мышления в науке будущего, а Вернадский свои идеи называл философскими мыслями натуралиста.

Отечественная философия науки должна стать популяризатором и пропагандистом идей русских ученых-космистов.

¹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 44.

² Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания. М., 1995. С. 564.

³ Там же. С. 412—413.

⁴ Флоренский П. Оправдание Космоса. СПб., 1994. С. 187.

⁵ Там же. С. 185.